

АВ. Григорий постелили на лавке. Лес с головой купался
полумраком, то-ли не слышатся шопоты Михайловой
матери, ставшей на одной кровати с дочерью.
Как теперь дома? Отец, небось, сопит. Уйдет Наташа,
нет-ли? Ну, теперь по новолу стелется ночь.
Куда обратиться? — и, баяя себе подкашала за годами
покинутой Анисимой завтра, уйдет с ней на Кубань
подальше отсель... далеко, далеко... ^{успевает} ~~успевает~~ пере-
закрывать глазами Григория стелные гребни, ку-
пора, станицы, никогда раньше не виданные, чужие
сердцу. А за балачки гребней, за серой дорогой — сказкой
голубая приветливая страна и Анисимых в поздне-
м темном устуе, полове на привалу.

Ах, что это такое! Встретил меня надвигающийся из неведомых. Перед
своим тизетом старается приоткрыть. Это-то и есть
изде, в маелюх не слышанное. Шли ^{присел} дурно пладо и
ровно, как баркас пох перекило, «взрыз на катанки»
на то-то, будто на пель; туторно становилось
не по себе; ворогалы, вилы в дождях, «то-не?
то такое пощек дорож?»

А утром проснулся и встал: «Рубка! Куда-же
мне идти с Аксентом? Вскрой в Пари, а вскро-
ишь рубку... Вот она Завета!»
Позавтракал и везвал Михаила в сенца.

— Сюда, Миша к Астаховым, перекати Анисимы, штов,
как заверяет - вмиг к ветряну.

— А Отван! — за мига, никни в рефлексивност.

— Предупрай, как будет за делом.

— Chondy.

Изд. Мол. Конференция Мухомой водет.

— Лагно уш: 2/10/1911

Вечером ^{вечером} под ветряком курица в руках. За ветряком в курицу ^{спорок на кусте} ветер. На дорожках крапива клопало обрывающее по ветру. Капоса Уморок, будто над ним кружит и не может улететь. Большая туча, от этого было неприятно и страшно. Аксинья не шла. На западе в тучной тучной позолоте Пеня закат, с востока крепкая блестящая ветер, шла, порывы, заставляла в вербах шум, темноту, рудой, в синих подтеках, тупо черная, над ветряком небо, над хитрою полуденной светлого дневного солнца.

При этом вахура пошел к трем изгородям, воткнул в
приямки свои последние окурки, отозвался в злобный
тонок. Притаявшиеся пролегли от ветряка к хутору
пусты Верней. От хутора никого не видно.

Григорий встал, круто повернулся, взглянул на огонь, пошел на огонь, взяв со стола венок. В окне Михаил любил чай. Подошел к двору, нависавшая с потолка вода и пота в узор ступеньки в Акемский. Вечер.